

Публикация в еженедельнике «Гласность» предсмертного письма Александра Фадеева [20.9.90] вызвала новый всплеск интереса к противоречивой и трагической судьбе писателя. Письмо было перепечатано рядом центральных газет, а «Литературная газета» посвятила этой теме целую полосу [см. «Л. г. 10.10.90]. К сожалению, обзоратель «Литературки» В. Радзишевский, комментируя публикацию в «Гласности», высказал один ничем не обоснованный упрек по его мнению, фадеевский текст предсмертного письма был кем-то сокращен. Это не так. Журнал «Известия ЦК КПСС» запросил из архива ЦК оригинал письма, и мы имели возможность убедиться: ни одна фадеевская строка не изгнана.

В десятом номере «Известий ЦК КПСС» будет напечатана фотокопия автографа фадеевского письма и сопроводжающие его докладыные записки тогдашнего председателя КГБ И. А. Серова. Как и само письмо, эти записки свыше 30 лет хранились в архиве ЦК КПСС под грифом строгой секретности.

Процесс «раскраски» охватывает и многие другие документы партийного архива. Так, читатели «Известий ЦК КПСС» в 1991 году смогут впервые прочесть стенограммы наиболее «сенсационных» пленумов ЦК, на которых исключили из партии Л. Д. Троцкого и Н. И. Бухарина [1937 г.], слушались «дело Берины» [1953 г.], изгонялась антипартийная группа Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова [1957 г.], отправлялся в опалу маршал Г. К. Жуков [1957 г.] и принималась «отставка» Н. С. Хрущева [1964 г.]. В 1991 г. будут также впервые опубликованы воспоминания М. И. Ульяновой «Болезнь и смерть Владимира Ильича Ленина», другие материалы, несомненно представляющие интерес.

Но вернемся к мая 1956 года. Самоубийство видного советского писателя, многолетнего руководителя ЦСП, кандидата в члены ЦК КПСС, вызвало в те дни огромную волну публикаций в западной прессе.

В архиве ЦК КПСС сохранились [опять-таки под грифом «секретно»] «Подборка иностранных откликов в связи со смертью тов. А. А. Фадеева» на 29 машинописных страницах. Подборка была направлена в ЦК Борисом Полевым через несколько дней после самоубийства.

Обращая на себя внимание и характер документа: не все статьи из зарубежной прессы приведены в нем полностью, многие из них даны в сокращении и даже в изложении. Разумеется, в то время не могло быть и речи о том, чтобы эти копии попались на страницах советской печати. Понадобилось более 30 лет, чтобы это произошло. Предлагаем читателям извлечения из подборки В. Полевого. Заголовки даны публикаторами — сотрудниками Общего отдела ЦК КПСС Н. Михайловым и Р. Усковым.

«ДЕЙЛИ УОРКЕР» (США):

«Он ощущал долю своей вины»

...На съезде советских писателей в декабре 1954 г. Фадеев подобно другим ведущим деятелям социалистической литературы был подвергнут ураганной критике. Недовольство качеством фильмов, пьес, романов бурлило в народе и нашло отражение в выступлениях писателей. Горячие дебаты на съезде, как выясняется теперь, были предвестниками основной критики, направленной на XX съезде Коммунистической партии против культа личности. Но ошибки в виде догматизма и бюрократии, которые были вскрыты в других областях советской жизни, оказались также свое пагубное влияние на литературу и на культуру...

Фадеев, как одна из ведущих фигур в советской литературе, нес большую долю вины за это трагическое положение вещей. А теперь он мертв. Мы читали, что он превратился в алкоголика, безуспешно пытался излечиться от этого недуга, утратил способность писать и покончил жизнь самоубийством. Кто может сказать, что руководило им? Было бы безрассудно анализировать на таком расстоянии и даже в его родной стране, что побудило этого талантливого человека покончить с собой...

После самоубийства Фадеева многое приходит в голову: каждый член социалистической семьи ощущает, какая

Те, кто утверждает, что Маяковский застрелился, потому что настал момент, когда он больше не мог жить в сталинском климате, говорят сегодня о том, что Фадеев покончил самоубийством из-за преданности этому климату. То, что судит подобным образом, лишь доказывает свою неспособность подняться до оценки сложных идейных явлений. Эти люди довольствуются мелочной полемикой и сплетней. Когда человек кончает самоубийством, он сводит счеты с самим собой, со своей ответственностью, со своим разочарованием, он судит не о других, а о себе и о собственных надеждах...

...Я не хочу утверждать неизбежность ошибки, беспомощности человека перед силами действительности. Я хочу лишь сказать, что большие проблемы советские и самокритики ежедневно стоят перед людьми, способными верить в великие идеалы, перед людьми, которые должны ежедневно решать, справедливы или нет их поступки...

...Фадеев был романтиком, человеком морально и интеллектуально героическим; он верил в партию, верил в Сталина всеми своими силами; верил в роль писателя — инженера человеческих душ... Сегодня трудно судить о современниках, еще длительное время будет трудно о них судить, и все же мы должны с высоким уважением относиться к тем, кто занимал смелую и лояльную позицию по отношению к проблемам нового искусства...

«Фадеев принимал критику, которая шла снизу и соглашался с ней. Он соглашался с суждением партии, выражавшим мнение широких масс простых людей. Он соглашался с суждением людей, принимавших участие в борьбе партизан, комсомольцев, героев своей «Молодой гвардии», книги, которую он написал заново, найдя для этого мужество, силу и чувство ответственности. Я не знаю, являлись ли подлинным произведением искусства первый или второй вариант... Я хочу только сказать, что этот его поступок, который привел в содержание наших западных интеллигентов, поступок, который, и я не нашел бы в себе сил совершить, явился поступком нового художника в новом обществе. Об этом поступке следует вспомнить, потому что он является частью его коммунистической лояльности, его революционного романтизма. То, что Фадеев переделал свой роман «Молодая гвардия», в известном смысле, я бы сказал, лучшим смысле, находится в гармонии с его самоубийством...»

(26.V.56).

«ТАЙМ» (США):

«Да» превратилось в «нет»

«Писатели, воспевающие силу, в жизни редко оказываются выносливыми людьми, Александр Фадеев был исклю-

чением. Его ранние романы напоминают жизнь уроченцев нашего дикого Запада, перенесенную на русскую почву, в них раздается цокот копыт, оружейная перестрелка, показываются простые, молчаливые герои, отдающие короткие приказы, которые в их понимании могут звучать только как «да» или «нет». Сам Фадеев вел такую же жизнь, сражаясь во время гражданской войны в рядах партизан, он верил в то, что, если о каком-нибудь явлении нельзя сказать «да», должно говорить «нет». Впоследствии, когда ему было поручено вести стадо советских литераторов для диктатора Сталина, выносливый Фадеев отправил многих писателей рить сибирскую землю.

В русской литературе, являвшейся могучим оружием в руках русского народа в его освободительной борьбе против царизма, после создания Советского государства воцарилась сумятица. Многие известные писатели (Куприн, Бунин) добровольно отправились в эмиграцию; разочарование привело других (Есенина, Маяковского) к самоубийству. Для развития и направления литературы, а также для расширения ее влияния партией был создан Союз советских писателей, возглавляемый знаменитым Максимом Горьким. Но оптимистические идеи социалистического реализма, выдвинутые Горьким, не удовлетворяли Сталина. Диктатор нашел подходящую фигуру в лице Фадеева — человека со стальными глазами, неизменно отвечающего «да».

В журналах, выходивших под контролем фадеевского Союза писателей, были разгромлены, как «отрастательные» и «непристойные», произведения писателей революционной эпохи: сатирика Михаила Зощенко и поэтессы Анны Ахматовой. Даже Фадеев, раскритикованный в «Правде», вынужден был смолчать. Когда ему было указано на то, что «Молодая гвардия» следует переписать, он ответил: «Я совершенно согласен».

Фадееву было приказано включиться в широкую коммунистическую кампанию борьбы за мир, и он был послан во Вроцлав с тем, чтобы провести там полную атаку на Соединенные Штаты. Там он говорил об «отрастательном зловонии», исходящем от американской культуры, упоминал о «банальных фильмах... реакционных, бесодержательных изданиях, подобных «Тайму», и об американском танце, напоминающем «современный вариант пляски святого Витта...» Упомянув о произведениях писателей Джона Дос Пассоса, Т. С. Элиота, Юджина О'Нила, Андра Мальро, Жан-Поль Сартра, Фадеев сказал: «Если бы гении могли печатать на машинке, а шаклы пользоваться авторучками, они создавали бы подобные творения...» В следующем году, присутствуя на конференции по вопросам культуры в Манхэттене, созданной под эгидой коммунистов, Фадеев был озадачен заданными ему вопросами о советских писателях. «Все они существуют», — ответил он, — «они живы. Пастернак живет со мной по соседству... О Бабеле и Киршоне я ничего не могу сказать».

После прочувствованных панегириков у гроба Сталина в Союзе советских писателей воцарилось глубокое молчание. Потом, почти два года спустя, под влиянием «Оттепели» Ильи Эренбурга, тронулся лед. Но никакой съезд Союза писателей не мог оживить мертвых, и собрание опытных льстецов не могло уяснить себе содержание своих новых функций.

Чувствуя, что обстановка изменится, Фадеев избрал новую линию: он стал призывать к тому, чтобы «социализм» стали пользоваться в меньших дозах. На сенсационном XX съезде партии в феврале этого года писатель Михаил Шолохов (выражавший свой протест против сталинского режима тем, что с момента создания «Тихого Дона» двадцать лет назад он почти не занимался творческой работой) выступил с открытой атакой на Фадеева, именуя его властолюбивым бюрократом, применяющим культ личности. Всячески превознося Горького, Шолохов возродил старую тайну смерти Горького и последовавшего назначения Фадеева.

(28.V.56).

Эльза ТРИОЛЕ
(«Леттр франсез», Франция):

«Он убивал себя, но он, так сказать, не писал»

«...Я впервые встретила с Фадеевым в 1930 году на съезде писателей в Харькове, на котором присутствовала вместе с Арагоном и Жоржем Садюлем... В Москве в ту пору не было еще гостиниц, какие имеются сейчас. И, вернувшись со съезда, надо было думать о пристанище. Фадеев поместил меня и Арагона у себя в крошечной комнатке, в доме Герцена, где размещался тогда Союз писателей. В комнате имелись походная кровать, стол, стул и туманная возможность умыться. Саша Фадеев отпустил спать куда-то в другое место — с портфелем и легкой походкой человека, не обремененного вещами. Представляя его парижанам — не то в зале Плейель, не то в Мютоальти, — я говорила о нем, как о человеке, который, выйдя купить пачку сигарет, мог вернуться через два года...»

...Писатель Фадеев обладал блестящими данными политического деятеля. Он проводил литературную политику, вел борьбу на литературном фронте и стал на зыбкую почву...

...В Париж он приехал сначала в 1935 году на I Международный конгресс писателей в защиту культуры; затем он побывал там в 1937 г. во время поездки в Испанию группы писателей всех стран. Я была в то время тяжело больна и поехать не смогла. Вернувшись в Париж, Саша ежедневно приходил поспать у моей постели, приходил завтракать, обедать... Свою первую прогулку после болезни я совершила, опираясь на его руку. В эту же поездку он встретил свою будущую жену, актрису Художественного театра Ангелину Степанову; он был молод, влюблен и счастлив. Он рассказывал мне об истории с Ягодой, с приходом Ежова... Он так верил в правоту и справедливость своей страны! Весело и уверенно смеялся он своим грандиозным смехом. А продолжения романа «Последний из Удэг» все не было.

...С 1936 по 1945 г. я в России не была, обо всем знала понаслышке. В радости первой встречи с Сашей после войны мы едва почувствовали нашу прежнюю дружбу. Он принимал нас на своей даче под Москвой, в кругу семьи. Подобно тому, как когда-то он подарил мне «Разгром» в кожаном переплете, так и на этот раз преподнес мне два больших, первых и единственных яблока с молодой яблони в своем саду. Был и многолюдный официальный прием в его большой московской квартире, казавшаяся нежилкой, напоминавшей меблированное помещение без малейшего отпечатка его личного вкуса, в квартире с голубым тисненым бархатом. Фадеев не был там у себя дома, он не сливался с этой обстановкой, да, впрочем, напевая на все это было ему, человеку, созданному для того, чтобы спать под солдатским одеялом.

...В последний раз я встретила с ним в Москве, на съезде советских писателей в 1954 году. В первый же день съезда он послал мне с трибуны в Колонном зале записку и предложил вместе пообедать.

Обедать он пришел к нам, в нашу комнату в гостинице. Как всегда радостно было вновь очутиться вместе... Он долго говорил о «Коммунистах» Арагона, комментируя свое письмо Арагону по этому поводу. Зашел разговор о его прежней статье против романа Гроссмана «За правое дело». Я не могла простить ему эту статью: он с крайней жесткостью критиковал роман, который сам же опубликовал в журнале, которым руководил. Он объяснял, как пришел к этой статье, что произошло не само по себе, он долго отсиживал роман, но отосуду поступили письма и резолюции, указывавшие на вредность этого произведения и т. п. Тогда он уступил и себе и в конце концов сказал себе, что не может быть, чтобы он один был прав против всех, против мнения тысяч читателей. И когда Фадеев выступил в конце съезда, то сказал, между прочим, что его критика романа Гроссмана была неправильна и что для исправления зла, которое он мог причинить автору, он приложил все силы...

Итак, то была наша последняя встреча. Вспоминаются его последние слова. Я сказала ему: «Как ты думаешь, советские писатели никогда не заговорят о несчастье, постигшем их страну, об осуждении невинных, о тысячах драм?»

«Не могу тебе этого сказать», — ответил он, — это темы, которые мне сообщать не могут, это не сюжет для меня...»

Да, Фадееву нужен был восторженный сюжет... Пройдет еще много времени, прежде чем невысказанный героизм этих невинных сюжетов стать предметом восхваления. Да, странно и волнующе думать, что эти невинные, эти реабилитированные коммунисты не испытывают ни горечи, ни требовательности. С их точки зрения, все, что с ними произошло, — это всего лишь этап борьбы...»

(18.V.56).

* Печатаются с сокращениями. Полностью публикация документов будет опубликована в журнале «Известия ЦК КПСС».

ПОЧЕМУ?

ЭТОТ ВОПРОС В СВЯЗИ С САМОУБИЙСТВОМ А. ФАДЕЕВА ЗАДАВАЛИ СЕБЕ МНОГИЕ ЛЮДИ

Вместо комментария. Из выступления М. А. Шолохова на XX съезде КПСС:

«На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание колоссальной руководящей в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем поставили Союз писателей из творческой организации, каким он должен был быть, превращая в организацию административную, и, хотя исправно заседали секретариат, сессии прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работали технический аппарат и развешивали курьеры, книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша, это предельно мало...»

Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. 15 лет тянулася эта война. Общины и дружными усилиями мы похитили у Фадеева 15 лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя...»

«ФИГАРО ЛИТЕРЭР» (Франция):

«Он управлял дубинкой»

«Из Москвы сообщили о смерти Александра Фадеева, известного на Западе повестью «Молодая гвардия», которой коммунистические партии создали успех в целях пропаганды. «Юманисте» преувеличивает, говоря о смерти «великого писателя»; Фадеев не более велик, чем Андра Стиль у нас.

Значение Фадеева объясняется не его творчеством. Будучи длительное время генеральным секретарем Союза советских писателей, он был оружен, стал писателем в области литературы. Он управлял дубинкой, давал указания, оценивал с полицейской бдительностью произведения писателей, с точки зрения режима. После смерти Сталина его диктаторские полномочия были настолько гласны, что его коснулася одна из первых санкций — он был «выведен» из ЦК партии.

Обстоятельства его смерти печальны. Фадеев покончил с собой револьверным выстрелом. «Правда» говорит о злоупотреблении алкоголем; вполне вероятно, что властелин с изысканиями искал убежища в алкоголе.

Трагизм не пощадил советскую литературу. Есенин и Маяковский покончили с собой, потому что задохнулись от нарождавшейся диктатуры... Ныне Фадеев умирает от смерти страшной диктатуры...»

(19.V.56)

Ренато ГУТТУЗО
(«Контемпоранео», Италия):

«Это был конфликт совести»

«...Так легко объяснить, почему человек кончает самоубийством. Обычно всегда говорят о финальном «почему», о непосредственной причине, определившей этот поступок, — и на этом успокаиваются. Конечно, Маяковский покончил самоубийством из-за любви, так же поступил Павезе. Конечно, Фадеев был болен и пил, причем об этом все знали. Но я задаю себе вопрос, и этот вопрос задают себе многие: могли бы эти либо подобные им мотивы оказать решающее влияние на таких людей, как Фадеев, Маяковский, Павезе, если бы сами эти мотивы не были составной частью более сложной и более глубокой трагедии совести, если бы они не были обострены контрастом чувств, неуверенностью в себе; если бы они не являлись частью большой общей драмы, драмы современного искусства, драмы нашего времени.

(18.V.56).

А. ФАДЕЕВ: Я нуждаюсь в абсолютном и полном освобождении

...Черная металлургия, роман, который я считаю самым лучшим произведением своей жизни и который, я не имею права здесь скромничать, будет буквально подарком народу, партии, советской литературе. Мне давали на 1 год «отпуск». Что же это был за «отпуск»? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы участвовать в подготовке документов, которые отличались бы подготовленными и без меня, притом примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться. 2 месяца ушло на работу в Комитете по Сталинским премиям. Я участвовал в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира 1951 года. В условиях этого так называемого «отпуска» я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального. За это время я изучил жизнь, был, производством 9 крупнейших металлургических заводов востока и юга страны, а также Москвы, проштудировал, по совету академика Бардина, 2 учебника металлургии, как следует, прочел немалое количество брошюр новаторов производства, изучил биографии таких крупнейших русских металлургов, как Аносов, Чернов, Павлов, Байков, Бардин, изучил биографию Дзержинского, Куйбышева, Орджоникидзе, которые будут показаны в моем романе. Я вложил в роман все лучшее из своего собственного жизненного опыта, все, что я передумал и переживал за 50 лет своей жизни, в этом романе сейчас вся моя душа, все мое сердце. Кому как не тебе известно, что я не холодный сапожник в литературе! Сейчас роман мой уже полпыл, как корабль, многое уже вчерне написано, а главное то, что все необходимое уже найдено, — ведь профессиональному литератору главное — это сочинить, а написать он всегда напишет, было бы время, — и это вовсе не только роман о металлургии, — они в центре этого романа, но это роман о советском обществе наших дней, это роман самостийнейший, архисовременный. И вы, мои товарищи по Союзу писателей, просто доложите, обязаны сделать все, чтобы этот роман был написан. А для этого я должен был решительно и категорически освобожден от всей остальной рабо-